

УДК 811.161.1

В. М. Грязнова

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В статье рассматривается специфика прилагательного в русском островном говоре старообрядцев казаков-некрасовцев Ставропольского края. Автор обосновывает положение о том, что состав лексики говора в рамках имени прилагательного частично унаследован из целого ряда русских говоров, как северных, так и южных, но в своем большинстве является возникшим в самом говоре, в период эмиграции. В результате изучения идеографической классификации автор выявляет специфические коммуникативно-номинативные предпочтения носителей данного говора. В содержании и формах морфологических категорий прилагательного говора автор описывает факты нарушения неглобальных запретов, существующих в русском литературном языке (расширение словника относительно-притяжательных прилагательных, не соответствующее семантическим нормам, специфика безударных флексий опреде-

ленных падежных форм прилагательных говора), использования ресурсов общенационального языка (существование специфичных в структурном и семантическом отношении словообразовательных моделей), в том числе и архаичных (устаревшие формы сравнительной степени, образованные от основы превосходной степени соответствующих прилагательных), структурного и фонетико-фонологического выравнивания в формах прилагательного. Автор показывает, что в результате длительной изоляции некрасовского говора от материнской основы состав прилагательных данного говора существенно изменился, что подтверждается данными семантики, фонетики, морфологии и словообразования изучаемого класса слов.

Ключевые слова: говор казаков-некрасовцев, имя прилагательное, лексика, морфология, словообразование.

V. M. Gryaznova

THE ADJECTIVE IN THE DIALECT OF NEKRASOV COSSACKS IN STAVROPOL REGION

The article studies the specificity of the adjective in the Russian island dialect of old believers Nekrasov Cossacks in Stavropol Krai. The author substantiates the provision that the composition of the vocabulary of the dialect in the name of the adjective is partly inherited from a number of Russian dialects, both northern and southern, but for the most part is arisen in the name of the adjective, during emigration. As a result of the study of ideographic classification the author reveals specific communicative-nominative preferences of the speakers. With the reference to the content and form of the morphological category of the adjective, the author describes the facts of violation of the non-global bans that exist in the Russian literary language (an extension of the Glossary regarding possessive adjectives, not corresponding to the semantic

rules, the specifics of unstressed inflections of certain case forms of adjectives), the resource usage of the national language (the existence of specific structural and semantic relation of word-formation models), including archaic (outdated form of comparative degree, formed on the basis of the superior degree of the corresponding adjectives), structural and phonetic phonological alignment. The author shows that as a result of the long isolation of Nekrasov dialect from the maternal basis, the composition of adjectives has changed significantly, which is confirmed by the data of semantics, phonetics, morphology and word formation of the studied word class.

Key words: Nekrasov Cossacks dialect, adjective, lexicon, morphology, word formation.

В данной работе говор казаков-некрасовцев Ставропольского края анализируется в рамках синхронного среза «1962 г. (время возвращения в Россию) – настоящее время» с целью

описать сущностные черты данного русского говора, сложившиеся в период проживания казаков-некрасовцев и их предков в Турции в течение двухсот пятидесяти четырех лет. Про-

цессы ассимиляции говора в ареале русского южного говора Левокумского района (места проживания некрасовцев с 1962 г.) не изучаются.

По своим типологическим особенностям говор казаков-некрасовцев относится к островным говорам. Термин островной говор, или островной ареал, давно используется в диалектологии, например, в работах Р. И. Аванесова [1], М. А. Бородиной [2] 70-х гг. XX в., работах Н. С. Ганцовой [4, р. 24–27], Т. И. Вендиной [3, р. 12, 381], А. А. Плотниковой [9, р. 11] начала XXI в.

Островной говор – это говор, изолированный от территории бытования основных форм языка, к которому он принадлежит по происхождению. Говор казаков-некрасовцев в течение двух с половиной веков находился в иноязычном, иноэтническом, иноконфессиональном окружении. Исследовательница островных славянских ареалов Европы А. А. Плотникова считает, что «представляется важным в самом общем виде дать характеристику исследуемому островным ареалом по однотипным параметрам: язык анклава и окружение; религиозная принадлежность населения островного ареала и страны проживания; частичная общность / противопоставленность культурной традиции анклава и окружения; особенности совместного проживания с представителями иных этноконфессиональных групп; влияние гражданства страны проживания» [9, р. 11].

Охарактеризуем говор казаков-некрасовцев по названным А. А. Плотниковой параметрам островного говора:

- язык говора казаков-некрасовцев резко противопоставлен языку окружения по признаку принадлежности к разным языковым семьям: восточнославянская ветвь славянской семьи – тюркская ветвь гипотетической алтайской семьи;

- по вероисповеданию казаки-некрасовцы резко противопоставлены окружающему населению: православие (старобрядчество) – мусульманство;

- общие культурные традиции в течение проживания казаков-некрасовцев в Турции с местным населением не сложились; исключение составляют случаи вывешивания самодельных турецких флагов в дни государственных праздников Турции по распоряжению турецкой администрации;

- первоначально казаки жили изолированно от турецкого населения; с 1864 г. земли вокруг казачьих станиц стали заселяться мухаджирами, переселенцами-мусульманами с Кавказа, с которыми казаки были вынуждены общаться,

браки с турецким населением запрещались, и их не было;

- казаки-некрасовцы служили в турецкой армии (за исключением конца XIX в.); если вначале Майнос представлял собой независимую республику, хотя и вассальную султану, но имевшую свое законодательство, то в начале XX в. казаки-некрасовцы были лишены автономии и объявлены турецкими подданными; казачий Круг был уничтожен, атаман назначался из турок, обучение в школе разрешалось только на турецком языке, регистрация браков и дата рождения ребенка происходили в турецкой администрации казачьих сел, диплом об окончании школы и свидетельство о браке и рождении выдавались на турецком языке.

Принадлежность к островному типу, происхождение говора, история скитаний, носителей говора обусловили определенные лингвокультурологические характеристики говора казаков-некрасовцев. Охарактеризуем их в общих чертах на материале прилагательного говора (подробнее см. в нашей книге: [5]).

Вначале дадим общую характеристику состава лексики говора в рамках имени прилагательного по признаку происхождения. Нами выявлены факты полного совпадения прилагательных говора (в звучании, структуре и значении) с одноименными лексемами обиходного языка всего русского крестьянства (в Сл. Даля даны без помет) или его отдельными говорами. Так, в подклассе «Человек» имеется ряд прилагательных, совпадающих по звучанию, грамматическим характеристикам и значению с лексемами **общенационального крестьянского языка**: *бязиннай* (*бязиннаи рубахи*), в словаре Даля зафиксировано одноименное слово бязинный – «бязевый, из бязи сделанный» [6, в. 1, р. 390]; *господский*¹ – «относящийся к господу (о праздниках)», в Словаре Даля отмечено аналогичное прилагательное: *господский* – «господский праздник, праздник Господа» [6, в. 1, р. 932]; *отселешний* – «здешний», в Словаре Даля находим одноименное слово *отселешний* – «здешний, откуда родом» [6, в. 1, р. 1958]; прилагательное *заводный* – «зажиточный» совпадает с одноименным словом общенационального языка *заводный мужик* – «имущий, достаточный» [6, в. 1, р. 1402]; лексема *казанный* – «относящийся к казану» (*казанная крышащка*) совпадает с одноименным прилагательным общенационального языка *казанный* – «к казану или котлу относящийся» [6, в. 2, р. 178]; слово *вечёрошний* – «вечер-

¹ Для удобства чтения звук *у* фрикативный говора обозначается литерой *z*.

ний» полностью совпадает с прилагательным общенационального языка *вечерошний* – «бывший накануне вечером, вчера» [6, v. 1, p. 498]; лексема говора *одинакий* аналогична прилагательному общенационального языка: *одинакий* – «равный по достоинству, одинаковый» [6, v. 2, p. 1675]; прилагательное говора *обходчивый* – «покладистый, уступчивый» совпадает с аналогичным словом общенационального языка *обходчивый* – «обходительный, учтивый» [6, v. 2, p. 1620]; лексема говора *кубоватый* – «круглый, кверху суженный (о посуде)» полностью совпадает с одноименным словом общекрестьянского языка *кубоватый* – «близкий к кубу по виду» [6, v. 2, p. 539]; прилагательное говора *скислый* совпадает с аналогичным словом общенационального языка: *скислый* – «прокислый, проквашенный» [6, v. 4, p. 185]; прилагательное говора *мужчинский* идентично аналогичному слову общенационального языка: *мужчинский* – «к мужчине относящийся» [6, v. 2, p. 931].

В подклассах «Животный мир», «Растительный мир» следует отметить такие прилагательные: *кабаний* (*кабанья мяса*), которое полностью совпадает с одноименным словом общекрестьянского языка *кабаний*; прилагательное *грабиный* – «относящийся к грабу», которое аналогично лексеме общекрестьянского языка *грабиный* – «принадлежащий, из дерева этого сделанный» [6, v. 1, p. 959].

Кроме того, в подклассе «Человек», «Животный мир» имеется ряд прилагательных, совпадающих по звучанию, грамматическим характеристикам и значению с лексемами определенных говоров русского языка: прилагательное говора *странний* – «чужой» совпадает с одноименной лексемой ряда русских говоров *странний* – «калуж., тамб., орл. сторонний, посторонний, нездешний» [6, v. 4, p. 566]; *васкрисенная* (*васкрисенная рубаха*), в Словаре Даля отмечено одноименное прилагательное с пометой псковское: «воскресный, относящийся до воскресенья, в обоих знач., воскресный день, пск. *воскресенный*» [6, v. 1, p. 607]; прилагательное *гладущий* – «полный, упитанный» (от слова национального языка: *гладить*), которое по своему значению совпадает с одноименной лексемой ряда диалектов крестьянского языка *гладущий* – «о животном и человеке, новг. *костр. и южн.*: жирный, тучный, дебелый, здоровый, полный» [6, v. 1, p. 352]; прилагательное *каниный* (*каниная яда*), полностью совпадающее с одноименной лексемой южного диалекта *кониный* – «коневый, конячий и южн. конский или *кониный* –

лошадиный, к коням относящийся» [6, v. 2, p. 396]; прилагательное говора *ядренный* в значении «крупный» совпадает с одноименным словом в орловских, курских и тамбовских говорах *ядренный* – «крупный, орл., кур., тамб. ядреные яблоки, орехи» [6, v. 4, p. 1562]; лексема говора *отменитый* – «отличающийся» аналогична прилагательному северных говоров: *отменитый* – «сев. отменный, особенный, несхожий с другими» [6, v. 1, p. 1130]; лексема говора *доеная* – «дойная» аналогична прилагательному псковских говоров: *доеный* – «пск. корова, которая доится» [6, v. 1, p. 959]; прилагательное *квелый* – «слабый, хилый» полностью совпадает с одноименной лексемой рязанских и тамбовских говоров *квелый* – «ряз., тамб., хилый, слабый» [6, v. 1, p. 258].

В целом по данным Словаря Даля, прилагательные говора могут совпадать с одноименными лексемами целого ряда русских говоров, что свидетельствует о пестром по исконной территориальной принадлежности составе казачества: это калужские, тамбовские, орловские, костромские, южные, орловские, курские, рязанские, тамбовские, северные, псковские, новгородские, говоры (дифференциация говоров и диалектные пометы В. И. Даля). Количество подобных прилагательных является значительным, но доля мотивированных прилагательных, возникших в самом говоре (данные получены в результате сопоставления со Сл. Даля и Сл. Донского говора) является наименьшей.

Сопоставительный анализ имён прилагательных в собранном нами материале и «Большом толковом словаре донского казачества», который включает в себя слова и выражения, активно используемые в речи коренных жителей Дона и его притоков, позволил нам выявить общее и различия в говоре донского казачества и в говоре некрасовцев в рамках лексики имени прилагательного и понять, является ли говор казаков-некрасовцев донским говором или отдельной автономной сущностью. Из 400 прилагательных говора некрасовцев только 19 полностью (по количеству значений, значению и форме) совпадают с прилагательными дончан, причем часть их них относится во всем русским говорам. Это прилагательные: *обидливый* – «обидчивый», *оружённый* – «вооружённый», *позалетошний* – «позапрошлогодний», *оттелешный* – «прилаг. к оттель (оттуда)», *понятный* – «понятливый», *обидливый* – «обидчивый», *оружённый* – «вооружённый», *позалетошний* – «позапрошлогодний», *оттелешный* – «прилаг. к оттель (оттуда)», *понятный* – «понятливый» и др.

Таким образом, длительная изоляция некрасовского говора от родственных донских говоров привела к изменению состава прилагательных данного говора, по своим истокам относящегося к донским говорам, что выявляется на уровне лексики и подтверждается данными семантики, фонетики, морфологии и словообразования изучаемого класса слов. В целом это позволяет охарактеризовать состав прилагательных говора казаков-некрасовцев как автономный.

Необходимо отметить, что в говоре присутствуют новообразования на базе заимствованной основы из турецкого языка (например, **туряной** «сделанный из конопляной нити, туры» от тур. *toğa* «жгут», **кузячий** «прил. к кузёнок» от тур. *kuzu* «ягнёнок»).

Изучение идеографической дифференциации прилагательных говора выявило коммуникативно-номинативные предпочтения носителей говора. Покажем данное явление в рамках подкласса «Человек», который, в свою очередь, дифференцируется на определенные лексико-тематические группы.

В лексико-тематической группе **«Человек как живое существо»** подкласса «Человек» носитель говора выделял и вербализовал признаки по соотнесенности:

- с видом одежды и её деталями (**предненский** [преднинский] – «об одежде: такой, как у предков». *Я щас вам старинский платок пакажу, преднинский*); видом материала, из которого шьется одежда (**киндячный** [киндячный] – «сделанный из синего полотна, киндяка». *Киндячнаи парки – синии*); отделкой одежды (**отшитый** [атшьтый] – «вышитый». *Върата у мужыкоф атшьтаи*); отнесенностью одежды к празднику или будням (**простый** [простай] – в знач. «об одежде: простой» (*Рубаха буднишная, простая*);

- с особенными признаками лица, волос (**кузлатый** [кузлатай] – «лохматый». *Играим в яшачки, выигруим, праигрывуимси, а адна пришла, кузлатая, праиграла*); с признаками, связанными с болезнью (**скулябленный** [скуляблинай] – «о ногах: искалеченный» (*Да пърлизованай он, нога паттятая, скуляблиная*); с особенностями телосложения (**сытный** [сытнай] – в знач. «полный». *Атес, мамака – сытнаи*); с признаками, связанными с оценкой внешности, телосложения (**самоцветный** [самацветнай] – перен. «о внешности: красивый человек». *Адна дефка самацветная была*);

- с отличительными признаками пищи и воды (**славный** [сламный] – «вкусный». *Фасоль уращивали, иё ворим, ана сламная*); с призна-

ками, называемыми вещества, растения, из которых готовится пища (**ростевой** [растивой] – «о масле: растительный». *Масла из маслини, посная растивая, ни кървовиная*);

- с определенным цветом спектра по отношению к одежде, тканям, биофактам (**серый** [серай] – в знач. «о цветах, волосах, глазах: светлый, не темный». *Удивилися, как малинская деващъка ф Турсии жыла, а по-русски гаварить, и виски сераи*).

Необходимо описать цветовые пристрастия некрасовцев. Любимым цветом некрасовцев является красный цвет, который воспринимался ими как праздничный. В составе прилагательных говора мы отметили два слова, называющих этот цвет (**красненечкий**, **разнокрасный**). Кроме того, в говоре частотна лексема общенационального языка **красный**, обозначающая данный цвет спектра. Особо любим некрасовцами красный цвет в одежде. *Падол ис краснава и кърмызам пастрочинай. – Бълахон краснай. – Краснаи штаны, беляя рубашка*. Другим цветом, относящимся к любимым цветам некрасовцев, по-нашему мнению, является лиловый. Для его обозначения в говоре имеется три лексемы: **буланный**, **луданный** и **серый** (в одном из своих значений). Эти лексемы некрасовец употреблял при описания садовых цветов, столь любимых носителями данного говора.

- с признаком по соотнесенности с возрастом человека (**сердовый** [сердавай] – «человек средних лет» (*Старшая снаха Маня, што правит, запрафка, уже сердавая, фсех млатших снох васпитывала*).

В лексико-тематической группе **«Человек как разумное существо»** подкласса «Человек» носитель говора выделял и вербализовал признаки по соотнесенности:

- с характером человека, проявляющемся в его поведении (**растрабидный** [растрабиднай] – «общительный». *Мы с ней как-та разгаварилися, тары-бары, растрабидная ана, так ана знать, как лячить, памагнула*); с эмоциями (**смёртный** [смёртнай] – в знач. «разудалый, безудержный». *Батюшка служыл, крест акунал, на весь лиман вада асвященная была, на крястителъ кидалися, а патом събирёмси – и начнули карагот вадить – смёртная радость*); с уровнем интеллекта (**изучённый** [изучёнай], **письмённый** [письмёнай] – «грамотный, учёный». *Атес Никифор пъстанавлялси в Маскве, он изучёнай был, письменнай*); со склонностями (**развязанный** [развязанай] – «о детях: балованный». *Дети с 5–6 лет начали работатъ, там каровушка, скатинушка,*

пачистиш, вады нътаскаиш, уже день пра-шол, мы ни развязаныи были);

В лексико-тематической группе «Человек в обществе» подкласса «Человек» носитель говора выделял и вербализировал признаки по соотнесенности:

– с приспособлениями, инструментами, средствами труда, орудиями и оружием, предметами труда, прежде всего относящимися к рыболовству (*дюменный* [дюменный] – «относящийся к рулю в лодке, дюмену». *Дюменная ручка*); с качествами, свойствами артефакта (*смёртный* [смёртнай] – в знач. «о деньгах: многочисленный, неисчислимый». *Нашы мужыки на турак работали, дъгавор на рыбную повлю зъключали, хазяин смёртнаи деньги наживал*); с семейным положением человека (*семистый* [сямистай] – «имеющий большую семью». *Сямя бальшая была, сямистая*); с социальными институтами (*сукупный* [сукупнай] – «объединенный». *Ушли дети, дитей никаво нет, фсе рассыпались, ни сукупнаи, фсе живут па аддельности*).

Исследование морфологии и словообразования, фразеологии и фонетики прилагательного производится в сопоставлении говора некрасовцев и современного литературного языка. Полагаем, что это необходимо в силу того, что обе формы существования русского национального языка развивались отдельно друг от друга и параллельно, в течение двух с половиной веков говор казаков-некрасовцев развивался в изоляции от общенационального русского языка, в том числе и от его материнской основы – донского говора, а также вне связи с другими русскими говорами, а литературный язык и любые другие формы национального языка не оказывали никакого влияния на формирование говора некрасовцев. В то же время говор некрасовцев и русский литературный язык развивались по одним и тем же законам и тенденциям развития общенационального русского языка, конкретные реализации которых могли и различаться.

В целом анализ **морфологических особенностей имени прилагательного** говора казаков-некрасовцев позволяет сделать определенные выводы: разряды прилагательных говора являются идентичными по своему значению разрядам прилагательных общенационального языка. В составе качественных прилагательных необходимо отметить широкое распространение в говоре некрасовцев **форм субъективной оценки качества**, которые сочетают в себе обозначение признака с выражением его оценки говорящим. Преоб-

ладают формы субъективной оценки качества, образованные с помощью суффиксов -ечк-, -(ен)ечк-, которые не представлены в общенациональном литературном языке (по данным РГ-80). Например, *Бедничкай* [бедничкай] – «достойный жалости», *Жидиничкай* [жыдиничкай] – жиденский, *Низенечкай* [низиничкай] – «низенький», *Сытенечкай* [сытиничкай] – «сытенский», *Тоненечкай* [тониничкай] – «тоненький», *Маленечкай* [малиничкай] – «маленький», *Мелечкай* [меличкай] – «меленький». Присутствуют, хотя и редко, формы с суффиксами -еньк-, -ущ-, характерные и для литературного языка. Например, *Пухлатенькай* – «пухленький», *Гладущий* [гладушшай] – «упитанный (о животном)», *Плодушой* [пладушшой] – «плодовый (о растениях)».

Отдельного внимания требуют **относительно-притяжательные прилагательные** говора, т.е., лексемы, имеющие два значения: одно притяжательное, обозначающее принадлежность какого-либо предмета определенному лицу или (реже) животному, другое – относительное. Притяжательные прилагательные в собственно притяжательном значении характерны для текстов сказок некрасовцев: *Бабина Ягонина* печка, *Бабина Ягинина* дочка.

Относительно-притяжательные прилагательные говора по словообразовательным параметрам включают в себя следующие группы слов:

1) относительно-притяжательные прилагательные, образованные в говоре с помощью нулевого суффикса, в литературном языке им соответствуют прилагательные, образованные с помощью суффикса -j-: а) относительное значение: *шапка барачая* (= баранья), *из кабаняй шкуры* (=кабаньей), *тараняя сеть* (=таранья, т.е., сеть для тарана); б) притяжательное значение: *чакалии норы* (= норы шакалов);

2) относительно-притяжательные прилагательные, образованные с помощью суффикса -(ич)ий/-(ач)ий: *бабичий век* (=бабий), *буйлячая малако* (= молоко буйлы), *каунячии семички*, *скатинячая кожа*;

3) относительно-притяжательные прилагательные, образованные с помощью суффикса -ск(ий): *муцинскаи бои*, *волос скатинскай*;

4) относительно-притяжательные прилагательные, образованные с помощью суффикса -ин(ый): *стули снахиныи*, *каниная яда*;

5) относительно-притяжательные прилагательные, образованные с помощью суффикса -ов, -овин-, -ин-: *свякорова сястра*, *жыниховин дружко*, *нивестина дружка*, *хатина дверь*, *ножовкин развод*, *снахин атец*, *мужина сястра*;

б) относительно-притяжательные прилагательные, образованные с помощью суффикса -ов(ий): **жыниховий гость**.

В рамках относительно-притяжательных прилагательных говора мы видим: а) расширение словника, соответствующее структурным и семантическим характеристикам прилагательных данной группы: **свяхорова сестра**; б) расширение словника, не соответствующее семантическим характеристикам прилагательных данной группы: **хатина дверь, ножовкин развод** – названные прилагательные, имея суффикс относительно-притяжательного прилагательного, образованы от мотивирующих существительных, называющих конкретные предметы (а не лица), что нарушает нормы образования подобных прилагательных, существующие в литературном языке; в) расширение словника, не соответствующее семантическим характеристикам прилагательных данной группы: **каунячии семички**: в итературном языке в качестве мотивирующего слова в этой модели выступают названия животных (в говоре – названия конкретных предметов).

Необходимо отметить специфику морфологического оформления относительно-притяжательных прилагательных **жениховий, сноханий**, которые имеют в форме именительного падежа такую же форму, как типичное прилагательное с материально выраженным окончанием, а не форму именительного падежа с нулевым окончанием, как в норме литературного языка имеют лексемы типа **отцов, мамин** (т.е., как существительные). В данном случае мы встречаем пример унификации склонения относительно-притяжательных прилагательных в говоре под давлением более продуктивного и распространенного типа адъективного склонения, характерного для качественных и относительных прилагательных.

Кроме того, уместно отметить, что прилагательное **жениховин** имеет двойной суффикс притяжательности: -ов- + -ин-, возникший, очевидно, недостаточной информативности для казака-некрасовца финали -ов.

Особо следует остановиться на одном из значений и функции таких многозначных прилагательных, как **смёртний** и **тёмный**. Данные прилагательные обладают в говоре казаков-некрасовцев наречным значением меры, степени количества (со значением усиления) в сочетании с прилагательным: **Унук у мене байчивай смёртнай**. – **Ети турки багатау тёмнаи**.

Безударные флексии определенных падежных форм прилагательных говора являют-

ся специфичными, не совпадающими с окончаниями соответствующих форм в литературном языке. Это флексии прилагательных, основа которых оканчивается на твердый согласный, на заднеязычный согласный, реже – на мягкий согласный.

Опишем названные флексии подробнее.

1) Заударная флексия -ай/-яй в и. п. / в. п. ед. ч. м. р.: **щабор дикай и свойскай, лиман чистай, камарь смёртнай, извар разнай, яблчнай, сливнай, чугуи чёрнай, сынок старшай, аттэлишнай псалтырь, лапас летняй, клявец вострай**.

В тоже время в нашем материале есть безударные флексии -ый/-ий в и. п. / в. п. ед. ч. м. р. прилагательных, основа которых оканчивается на твердый согласный, на заднеязычный согласный, на мягкий согласный, что соответствует нормам литературного языка, но таких форм немного в сопоставлении с формами с заударной флексией -ай. Приведем примеры: **вечёрошний, старинский, тотышний, надышний, великий, недобрый, несламный, палированный, знатный**.

2) Заударная флексия -аи/-яи в и. п. / в. п. мн. ч. прилагательных, основа которых оканчивается на твердый согласный, на заднеязычный согласный, реже – на мягкий согласный: **васильки мелкаи, казаны меднаи, палужанаи, бишмяти шалкутнёваи и шымлазёваи, шубы тёплаи, люди дикаи, кочки кукурузнаи, веки чёрнаи, портки синяи**.

В тоже время в нашем материале есть безударная флексия -ии/-ьи в и. п. / в. п. мн. ч. указанных прилагательных с указанными основами, что соответствует нормам литературного языка: **калканавыи сети, парки кырмызавыи, жыравыи яйца, цвяты простыи, песни свадьбиныи, астяцки сиребриныи, мельницы парусяныи, балахоны синии, святы сводьскии**.

3) Заударная флексия -аю/-яю в в. п. ед. ч. ж. р. прилагательных, основа которых оканчивается на твердый согласный, на заднеязычный согласный, реже – на мягкий согласный: **Турецаю школу зделали**. – **Круглаю пышку скатаим**. – **Древу ровнаю кладем**. – **Ивропскаю приняли адёжу**. – **Толстаю древу вытёсываим**. – **Салёнаю есту пададим**. – **Палажыла жолтаю краску**. – **Завеску шыли святистаю**. – **К красному шём синяю**. – **На склискаю дарогу**.

В тоже время в нашем материале есть безударная флексия -ую в и. п. / в. п. мн. ч. указанных прилагательных, что соответствует нормам литературного языка: **на маслинную**

ниделю, на красную рыбу, адень чистую бь-рахлину, пасодють в бальшую месту, варку взял свиную, на великую ниделю, в туташнюю лету.

Специфика безударных флексий наиболее частотных в речи падежных форм прилагательных говора объясняется, по-нашему мнению, стремлением носителя говора к унификации безударных окончаний прилагательного.

Сравнительная степень. Для говора некрасовцев характерны формы простой сравнительной степени. Одни формы идентичны по способу образования (основе и суффиксу) с формами простой сравнительной степени в литературном языке. Это формы, образованные от основы положительной степени имени прилагательного с помощью суффиксов -ше, -ще, -же: *эта сьстра ишо меньша; нардек гуца; рищель слажы; день жарчи.*

Кроме того, в говоре наличествуют архаичные формы сравнительной степени. Это формы, образованные от основы превосходной степени соответствующих прилагательных (в современном осмыслении этих основ в литературном языке) с помощью формообразовательного суффикса -е: *Павины красивейша чапуры. – Этат внучик палнейша. – Наши вареники крупнейша.*

Необходимо отметить, что исторически подобные мотивирующие прилагательные (в нашем случае *красивейший, полнейший* и т.п.) являются полной формой сравнительной степени. По мнению историков языка, у восточных славян формы превосходной степени как таковой не было. При переводах с греческого языка для передачи идеи превосходства использовали приставки пре-, наи-, наречия степени *вельми, зело, очень*, прилагательное *самый* [8, р. 342; 10, р. 214]. И. В. Устинов приводит такой пример значения сравнительной степени у полной формы сравнительной степени прилагательных с суффиксами -ейш-, -айш в древнерусском языке (из переписки И. Грозного с Кубским): «*Василий крепчайший Григория*» [10, р. 215] использование форм прилагательного с суффиксами -ейш-, -айш в функции сравнительной степени характерно для XVШ в., а также в редких случаях и для XIX в.: «*Счастливейший всех вод земных*» (М. Ломоносов), «*Первый университет Российский ... возвысится еще на степень славнейшую в ученом свете*» (Н. Карамзин), «*Это создание несравненно чистейшее и безупречнейшее, чем мы с вами*» (М. Достоевский) [цит. по книге 10, р. 215].

Полная форма сравнительной степени восточнославянских прилагательных с суффик-

сами -ейш-, -айш- в значении превосходной степени стала использоваться сравнительно поздно.

Сложная сравнительная степень, по нашим данным, в речи казаков-некрасовцев нам не встретилась.

Превосходная степень. Для говора казаков-некрасовцев характерна только формы сложной превосходной степени прилагательного:

1) сравнительная степень прилагательного + слово всех: *Фсех слажа рыба там была. – Фсех дорожы kwasоль.*

2) положительная степень прилагательного + слово самый: *самьи малинькии утачки, самая старинная ества, самая каниная яда.*

Уместно отметить, что в последнем примере форма превосходной степени относится к относительно-притяжательному прилагательному, что не характерно для литературного языка, в говоре происходит расширение структурно-семантических границ формы превосходной степени.

Простая форма превосходной степени в наших записях речи казаков-некрасовцев не зафиксирована, что подтверждает высказывание такого историка языка, как В. В. Колесов, о том, что «в русской ментальности идея превосходства не развивалась последовательно и регулярно» [8, с. 342].

Анализ специфики словообразовательной системы прилагательного говора выявил, что прилагательные говора располагают следующими способами словообразования: 1) суффиксальным, 2) префиксальным 3), субстантивацией, 4) префиксально-суффиксальным, 5) способом сложения (способы расположены в порядке их приоритетности). Большинство прилагательных говора образовано с помощью суффиксации, так же, как и в литературном русском языке

Необходимо отметить особые способы словообразования, свидетельствующие о креативности языкового сознания некрасовцев. Это способ словообразовательной языковой игры, который представлен таким своим видом, как рифмованное эхо, заключающийся в следующем: какое-либо слово повторяется с изменением начального звука и с добавлением эмоционально-экспрессивного компонента значения: *зеленый-миленый* (о зеленых овощах), *палировьи-малировьи* (о разных видах посуды).

Имеется случай метафорического словообразования: прилагательное *суязный* – «о человеке: свободный» в качестве мотивирующего имеет такой семантический переносный компонент значения, как «свободный», от слова говора *суяз* – «порода диких уток».

Значительная часть словообразовательных моделей **макрокласса «Прилагательное»** говора казаков-некрасовцев существует в русском литературном языке, являясь частной реализацией общей для русского национального языка словообразовательной системы.

В то же время имеется целый ряд **специфичных в структурном и семантическом отношении** словообразовательных моделей говора в сопоставлении со словообразовательной системой литературного языка (данный говор является островным, материал других русских говоров не привлекается).

Все специфичные словообразовательные модели в составе прилагательных говора казаков-некрасовцев относятся к суффиксации. В качестве мотивирующей основы специфичные адъективные словообразовательные модели говора имеют прилагательные (они преобладают), а также существительные; как правило, они обладают мутационным словообразовательным значением (но есть и модификационные значения). В целом среди специфичные словообразовательные модели говора преобладают **суффиксальные отадъективные модели с модификационным значением**.

В составе специфичных в структурном и семантическом отношении словообразовательных моделей говора казаков-некрасовцев находятся такие, к которым относятся несколько мотивированных прилагательных, поэтому они отвечают всем признакам словообразовательной модели. Это словообразовательная модель с **модификационным** ласкательным экспрессивным значением **Adj** + формант **-ечк-, -енечк-: мелечкий, беднечкий; низнечкий,**

тоненечкий, маленечкий, краснечкий, сьтенечкий.

Кроме того, есть квазимодели специфичного характера, по которым в нашем материале имеется только одно мотивированное слово, т.е. они в полной мере не могут быть названы моделями: 1) модель со значением **стилистической модификации Adj** + формант **-ин-: схожиный**; 2) модель со значением **стилистической модификации**: формант **су-** + **Adj: сукупный** – «совокупный, объединенный»; 3) модель с **мутационным значением: S** + формант **-чит-: разговорчатый**.

В ряде мотивированных прилагательных говора наблюдаются уникальные наращения суффикса: в слове **предненский** – «относящийся к старине, к предкам» имеется уникальное наращение (**нен**); в лексеме **слухляный** – «послушный» имеется уникальное наращение (**л**); в прилагательном **жениховин** в составе суффикса имеется уникальное наращение (**ов**).

В целом анализ словообразовательной системы прилагательного говора показывает, что её реализация, а также семантические и структурные нормы являются более гибкими и более последовательными в сопоставлении с аналогичными нормами литературного русского языка.

Заканчивая исследование, приведу слова некрасовцев о красоте их говора: «А самый чистый русский язык – это у нас. Пройди по всему белому свету, чище нашей речи нигде не найдешь», – так в конце XIX в., находясь в эмиграции, описывали некрасовцы свою речь русскому путешественнику В. И. Иванову-Желудкову [7, р. 417].

Литература

1. Аванесов Р. А. Вопросы теории лингвистической географии / под ред. Р. И. Аванесова. М.: Наука, 1962. 254 с.
2. Бородин М. А. Проблемы лингвистической географии. М.-Л.: Наука, 1966. 219 с.
3. Вендина Т. И. Типология лексических ареалов Славии. М.: Институт славяноведения РАН. СПб: Нестор-История, 2014. 692 с.
4. Ганцовская Н. С. Говоры Верхней Унжи в интерпретации А. В. Громова // Актуальные проблемы русской диалектологии. М.: Институт русского языка им. В. А. Виноградова, 2012. С. 24–27.
5. Грязнова В. М. Говор казаков-некрасовцев Ставропольского края. М.: Языки славянских культур, 2017. 728 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах. М.: «Прогресс» «Универс». Т. 1–4, 1994.
7. Иванов-Желудков В. И. Русское село в Малой Азии //Русский вестник. 1866. Т. 63, Июнь. С. 414–451.
8. Колесов В. В. История русского языка. М.- СПб: Издательский центр «Академия», 2005. 672 с.
9. Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения, 2016. 320 с.
10. Устинов И. В. Очерки по русскому языку. М.: МГПИ им. Ленина, 1959. 382 с.

References

1. Avanesov R. A. Voprosy teorii lingvisticheskoj geografii / ed by R. I. Avanesova (*The theory of linguistic geography*). Moscow: Nauka, 1962. 254 p. (In Russian).
2. Borodina M. A. Problemy lingvisticheskoj geografii (*Problems of linguistic geography*). Moscow-Leningrad: Nauka, 1966. 219 p. (In Russian).
3. Vendina T. I. Tipologiya leksicheskikh arealov Slavii (*Typology of lexical areas of Slavia*). Moscow: Institute Slavic studies of RAS publ., 2014. 692 p. (In Russian).

4. Gantsovskaya N. S. Govory Verkhnej Unzhi v interpretatsii A. V. Gromova (*Dialects of Verkhnyaya of Unzha in the interpretation of the A. V. Gromov*). // Aktual'nye problemy russkoj dialektologii. Moscow: Institute of Russian language named after V.A. Vinogradov publ., 2012. P. 24–27. (In Russian).
5. Gryaznova V. M. Govor kazakov-nekrasovtsev Stavropol'skogo kraja (*Dialect of Nekrasov Cossacks in the Stavropol Krai*). Moscow: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2017. 728 p. (In Russian).
6. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka v chetyrekh tomakh (*Dictionary of the Russian language in four volumes*). Vol. 1–4. Moscow: «Progress» «Univers», 1994. (In Russian).
7. Ivanov-Zheludkov V. I. Russkoe selo v Maloj Azii (*Russian village in Asia Minor*) // Russkij vestnik. 1866. Vol. 63. June. P. 414–451. (In Russian).
8. Kolesov V. V. Istoriya russkogo yazyka (*History of the Russian language*). Moscow – St.Petersburg: Akademiya, 2005. 672 p. (In Russian).
9. Plotnikova A. A. Slavyanskie ostrovnye arealy: arkhajka i innovatsii (*Slavic island habitats: archaism and innovation*). Moscow: Institut slavyanovedeniya, 2016. 320 p. (In Russian).
10. Ustinov I. V. Ocherki po russkomu yazyku (*Essays on Russian language*). Moscow: MSPI named after Lenin publ., 1959. 382 p. (In Russian).